

Николай Боровской. Смелость быть самим собой.

*«Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье»*

Борис Пастернак

С «Автопортрета в шляпе» 1976 года смотрит на нас загорелый худощавый парень со сверкающими белками черных глаз, с выразительными губами, похожий одновременно на гогеновских таитян и на художника Головина в костюме испанского гранда. Яркий, очень похожий, очень эстетский портрет. Его автор Николай Боровской был тогда студентом Суриковского института и постигал фундаментальные основы живописи в мастерской знаменитого монументалиста, многолетнего директора Третьяковской галереи Ю.К. Королева. Позади были служба в армии, Крымское художественное училище им. Н.С. Самокиша и короткое пребывание в должности спортивного инструктора.

Николай Иванович Боровской сформировался как художник в 70-е годы прошлого века, во времена расцвета «брежневского застоя». Эпоха выдалась крайне благоприятная для искусства. «Железный занавес» давно истончился и рухнул, власть не особенно преследовала деятелей культуры, лишь бы в политику не лезли. Творческой свободы хватало, а некоторая несвобода только подстегивала работу воображения. Русская интеллигенция еще славилась демократичностью: любой талантливый молодой человек из любой провинции имел шанс пробиться куда угодно, хоть на вершину мировой славы. Николай Боровской не был потомственным художником и родился в провинции – два основательных повода проявить одаренность и настойчивость. Таланта и воли у молодого человека было предостаточно, а о его характере говорит уже то, что попутно с искусством он успешно занялся боксом, достигнув звания мастера спорта.

«Семидесятники», к которым принадлежит Николай Боровской - последнее чисто советское поколение в русском искусстве. Баловни общества и судьбы – они получили хорошее художественное образование, участвовали в творческих спорах, ездили на творческие дачи, набирались опыта под руководством лидеров новых течений в искусстве и с большим пиететом относились к своим наставникам. Но

это нисколько не мешало «семидесятникам» упорно пробивать свою, никем до них не хоженую, тропинку в искусстве. Круг молодых живописцев, в который вошел Николай Боровской еще во время учебы в институте, не тяготел ни к официозу, ни к андеграунду. Их мало волновали сиюминутные сенсации политики, они равнодушно прошли мимо contemporary art, чья сокрушительная поступь всю сотрясала Европу и Америку и уже добралась до России. Круг молодых живописцев московской этюдной школы был отдаленным потомком передвижников и создателей дореволюционного Союза русских художников, и непосредственным детищем «шестидесятников» почвеннического направления. Кто-то из молодежи присматривался к традициям авангарда или модерна, увлекался концептуализмом или гиперреализмом, а московские живописцы-традиционалисты претворяли по своему старый знаменитый лозунг Эмиля Золя: «Природа сквозь темперамент». И хотя природа России не так уж поменялась за последние двести лет, у каждого подлинного художника есть своя заветная тема, отличающая его от собратьев и предшественников. Николая Боровского всю жизнь волнует тема ускользающего мгновенья, он в пейзажах и портретах удерживает быстротечное время силами искусства. Именно поэтому даже в самых жизнерадостных картинах художника кроется глубинная экзистенциальная печаль.

Любимые жанры Н.И. Боровского – портрет и пейзаж. Портреты художника традиционны, его никогда не смущала работа в «старом, добром стиле». В его портретах нет внешних признаков принадлежности к определенному сословию или профессии. Это просто люди, личности. У психологического портрета, мастером которого является Николай Боровской, в русском искусстве большая и благородная родословная. От интимного портрета Аргунова и Кипренского через демократическую портретную галерею Крамского и Репина к блестящему расцвету портрета в эпоху Серебряного века и к новому взлету портретного жанра у создателей «сурового стиля» тянется непрерывная вереница русских образов-типов, воплотившая живую историю страны. Сюда же своим звонким ручейком влилась портретная галерея Н.И. Боровского. Художник предпочитает классически ясную, простую композицию поясного или погрудного портрета с откровенной статуарностью позы и тональными фонами без всяких аксессуаров. Пластика портрета у него всегда тщательно продумана, колорит подчинен композиции, а

композиция подчинена эмоциональному сюжету, то есть глубокому раскрытию человеческого образа.

Прелестны его образы благодатной молодости с ее красотой, свежестью, застенчивостью, с ее угловатой нежностью движений. Таковы его портреты «Фонарик», «Наташа», «Катя» и портрет с говорящим названием «Юность». Художник словно говорит нам: «Остановись мгновенье, ты прекрасно!»

Открытое, почти демонстративное утверждение человеческого образа в коллороте времени, в вечном изменении, в неповторимости каждого мгновения приковывает внимание в серии автопортретов художника. Задорный, чуть ироничный «Автопортрет в шляпе» 1976 года с его горячим колоритом, отсылком к классике жанра, почти цитатностью, столь любимой молодыми «семидесятниками», сменяется в 90-е годы «Автопортретом» в темных одеждах (1998 год). Тонкая моделировка серых и коричневых тонов костюма и фона, выразительный акцент яркого белого воротника, выделяющий напряженное лицо. Во всем облике проступают человеческая умудренность, разочарование, борьба, постигшие невзгоды, но и сила, упорство, воля. «Автопортрет» 1998 года – яркий памятник «лихих девяностых», хотя в нем нет ни одной сюжетной приметы времени. И, наконец, последний по времени «Автопортрет в желтой шляпе» - артефакт нового тысячелетия. Пробившаяся седина, безжалостные борозды времени, которые нанесла судьба своим неумолимым резцом, - художник себе не льстит. Но колористически это одна из самых красивых и пластически совершенных картин Боровского. Тонкая световая моделировка, богатый осенний колорит головного убора и блузы, мастерски написанное лицо – художник хозяин своей палитры и своего зрелого мастерства. Превосходные холсты «Ветеран», «Портрет мужчины в фуражке», «Мама» раскрывают дарование Боровского-портретиста еще с одной стороны. Художник тут балансирует на грани парадного и камерного портрета, его модели явно позируют, торжественно демонстрируя себя миру. От жанра камерного портрета Николай Боровской заимствует умение свежо и тонко передать внутренний мир человека, приблизить изображение к зрителю, заставить всматриваться в картину с глубокой заинтересованностью. Традиции парадного портрета принесли представительность позы, общую декоративность живописной пластики и приподнятость характера. Николай Боровской –

прирожденный рассказчик, ему совершенно не нужны бесчисленные детали и аксессуары, чтобы заставить свои портреты говорить. Его персонажи будто рвутся к нам из полотна, каждый со своей жизненной новеллой – таково напряжение его живописи.

В пейзажах Николай Боровской, возможно, даже больший портретист, чем собственно в портретах. Ни одного случайного мотива, ни одного необязательного этюда. Он пишет то, что глубоко знает и искренне любит: свой дом и сад, старый Борисоглебск и милый с юности Крым, но чаще всего деревенскую русскую глубинку. Все эти бесконечные «Осени», «Родники», «Пейзажи с лошадьми», «Отражения» и «Заводи» естественны, словно птичьи песни, раздающиеся при любой погоде. Художник не теряет свежести первого впечатления, но наивно думать, что стройность его пейзажных холстов рождается в неотрефлексированном списывании случайных сюжетов. Композиция пейзажей Николая Боровского по хорошему театральна и монументальна, он создает живой театр с настоящей режиссурой, узнаваемостью героев и глубокой эмоциональностью. Его пейзажи, казалось, каждый видел тысячу раз, но они никого и ничто не повторяют, они – чистые создания творческого воображения художника. Вот старые яблони – художник пишет их весной, осенью, зимой, под пасмурным и ясным небом, в золоте увядания и нежной зелени возрождения. Его деревья страдают, радуются, им холодно или весело, они смотрятся в воду, как записные красавицы в зеркало, или застыли в зимнем оцепенении. Порой яблони-героини позируют на просцениуме жизни, а небо структурируется в прелестный задник пейзажного театра. Иногда яблони столь очеловечиваются, что прямо ассоциируются с людьми: «Яблони», «Луч в саду», а то и просто «Две сестры» и «Портрет старой яблони». Очеловеченность пейзажа и невероятная хрупкость этой вечной красоты – подлинный сюжет пейзажной живописи Н.И. Боровского. Преданный паладин традиционной станковой картины, художник несовременен, как шум яблонь, которые он так любит писать.

В 90-е годы свою принадлежность к традиционному искусству пришлось отстаивать. В защите национальной самобытности русского изобразительного искусства во времена торжествующего глобализма, презрительно сталкивающего все местное и самобытное в яму маргинальности, есть что-то беззащитное и

героическое. В начале 90-х, следуя своему представлению о жизни и искусстве, Николай Боровской приходит в Секретариат художников России. Тут были его коллеги, единомышленники, его художественная среда, и он активно включился в ее защиту, как мог, понимал и умел. Это был поступок.

По большому счету традиционная станковая живопись не умерла вовсе не из-за присущих творчеству ее адептов пластических изысков, или экспериментов с фактурами, хотя это и очень важно для самих художников. Ни приемы, ни техника письма, ни утонченность или яркая декоративность колорита, ни игра с фактурами не могут сохранить классическую школу сами по себе, но лишь только настоящие подвижники, обладающие пассионарной энергией творца и большим личностным масштабом по-настоящему не дают одряхлеть и умереть московской школе живописи, к которой принадлежит Николай Иванович Боровской. Именно человеческое измерение держит на поверхности наших «архаистов от живописи». Вера в свое призвание, в свое право быть и называться художником, сопротивление маргинализации, человеческое достоинство и упорное отстаивание народного понятия о красоте – вот что переливается в холсты лучших из традиционалистов и вносит в них ноту подлинного бытия.

Такова живопись Николая Боровского. Он мог бы вслед Маршаку сказать о своем искусстве:

*«Пускай стихи, написанные просто,
Расскажут все, о чем сказать должны.
А каблуки высокие нужны
Поэтам очень маленького роста».*

У народа всегда есть основательные причины бережно хранить свою историю, свою веру, свои привычки и предания, свою культуру и свое искусство. У художника всегда есть основательные причины присоединиться к своему народу и воплощать его идеалы в своем искусстве. Творчеству Николая Боровского по большому счету не требуется ни объяснений, ни оправданий – оно народно в самой сердцевине: в твердой вере, что нет прекрасного там, где нет истины, добра и красоты.

Народный художник России, академик и член президиума Российской Академии художеств, профессор МГАХИ им. В.И. Сурикова, Первый секретарь

Союза художников России, Лауреат премии Правительства РФ в области культуры и обладатель многих других наград, Николай Иванович Боровской не обижен признанием, известностью и уважением. Ныне для него пришла пора «предварительных итогов», время анализа и размышлений. Мастерство художника в зените, он блестяще владеет арсеналом классического искусства. Дай Бог ему святого творческого покоя в поисках вечно ускользающего совершенства и смелости всегда быть самим собой.

*Заслуженный деятель искусств РФ
Академик Российской академии художеств
Н.И. Аникина*